

ОТ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ К ПАНОРАМЕ ВЗГЛЯДА

Анна КОНЕВА

Русскому человеку, собравшемуся поразмышлять об интеллигенции, ее истории или роли в современном мире, неизбежно придется отмежеваться от знаменитых «Вех», возведших эту проблему в ранг достойной осмысления. Основой этого теоретизирования было ощущение причастности к историческим деяниям и осознание ответственности за свершившееся (и не свершившееся) в Отечестве. В этом главном акценте любого русского рассуждения – «что делать?» и «кто виноват?» - и утонула теоретическая проблема интеллигенции, судорожно пытаясь спастись за счет признания своей особенности, непохожести на западного интеллектуала.

Критики и исследователи, рассуждая о «Вехах», развивают разные темы, но все внятно едины в одном – остается неясным само определение, ибо каждый автор опирается на видимые лишь ему «характерные черты» интеллигенции. Однако, как представляется, это различие характерных черт и служит основным определением того места, которое интеллигенция (в самом широком смысле слова, как слой общества, имеющий отношение к просвещению) занимает. Ведь время начала прошлого века вплоть до его середины требовало от интеллигенции, прежде всего, определения собственной позиции. Вопрос самоидентификации упирался в выражение точки зрения – и это было актуально не только для русской интеллигенции.

Само понятие, как известно, восходит к глаголу *intellego* (*inter-lego*) - различать, понимать, прояснять, разуметь. И потому интеллигент в широком смысле слова – различающий, способный разуметь. Словари (например, словарь Уэбстера, Лонгмановский словарь) наделяют интеллектуалов способностью проявлять культурную или политическую инициативу, прямо указывая, что интеллигент должен иметь точку зрения, выраженную позицию, с которой он осуществляет свою деятельность. Таким образом, именно определение точки стало первой исторической и культурной задачей интеллигенции.

Интеллигенция определяла свою точку зрения — будь то художественная или научная интеллигенция любой из стран Европы, например, Жан-Поль Сартр, Симона де Бовуар и Морис Мерло-Понти, основывающие «*Les Temps Modernes*» для того, чтобы выражать собственное разумение мира, или русские «Веховцы», безжалостно бичующие свой класс — поскольку это служило к определению их собственного места и позиции. Точка зрения была, таким образом, единственной «собственностью» интеллигента, что вполне согласуется с определением интеллигенции как «прослойки», а не как класса в марксизме. Благодаря точке зрения интеллигент получал власть и право на деятельность, даже если это право у него оспаривалось. Благодаря способности эту точку зрения определять, он оказывался в роли посредника между властью и подвластными, или между властью старой и новой, или между пластами старых и новых идей. Вся его деятельность определялась этой позицией «между», его «точкой». А различие конкретно-исторических позиций России и Европы и заключалось, как всегда, именно в осуществлении деятельности.

Интеллектуалы Запада имели возможности специализированной деятельности и самовыражения в разных сферах общественной и культурной жизни. Примером может служить европейская художественная интеллигенция эпохи модернизма. Центр художественной жизни Европы – Париж – позволил расцвести полистилизму, открыл путь новому искусству, поставил под сомнение смысл творчества и породил новые формы общественной жизни. Но каждый – от Модильяни до Пикассо и от Бодлера до Гертруды Стайн – мыслил собственное понимание, отстаивал свое видение мира, защищал и проповедовал свою точку зрения, полностью погружившись в собственную деятельность.

Напротив, российской художественной интеллигенции того же времени присуще стремление не просто «клубиться» в салонах, галереях и кафе, но выработать общую точку зрения, которая станет для них кредо и идеей. Настойчивая социальная активность «миriskусников» бросается в глаза. Не просто рефлексия смысла творчества и места художника, но активное стремление к перегруппировке всех творческих сил, экспансия стиля и идей, наконец, формирование новой эстетической платформы было их целью. Нечто подобное двигало и той интеллигенцией, о которой страдали авторы «Вех», признавая, что неудавшаяся революция – интеллигентских рук дело, и призывавшие увидеть и признать, что «внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия и что она, а не самодовлеющие начала политического порядка, является единственно прочным базисом для всякого общественного строительства» (предисловие к сборнику «Вехи»).

Отличие это, восходящее к мелкобуржуазному происхождению интеллектуала Европы и странно-бескультурному происхождению интеллигента русского (который, как писал Г. Туган-Барановский в статье «Русская интеллигенция и социализм», «поразительно культурно свободен»), однако не влияет на общий способ самоидентификации интеллигента. Этим способом самоидентификации в первой половине XX столетия является позиция «точки зрения», общая для интеллектуала русского и европейского.

Мы выделяем позицию «точки зрения» именно как точки, которая является отправной к действию, не случайно. Эпоха модернизма, характеризующаяся антиномиями рационального и иррационального, индивидуального и коллективного, традиционного и инновационного, и т.д., требовала от интеллектуала постоянного труда по выявлению некоего места исхода, отправной точки. Открытие психоанализа и развитие психологии привели к пониманию важности «обращения к истокам», становление экзистенциальной парадигмы в философии заставило задуматься о смысле бытия и определить себя – думающего и чувствующего – в точке «здесь и сейчас», социальные перипетии мирового формата поместили каждого «разумеющего» в контекст ответственности за судьбы человечества. Особенности исторической судьбы России, две ее революции и гражданская война, вне всякого сомнения, сыграли свою роль, но позиция «самоопределения в точке» осталась неизменной.

Эта позиция претерпела изменения лишь со сменой культурных эпох, на Западе раньше, чем в России, в силу общественно-политических обстоятельств. Рефлексия «в точке», которая была направлена внутрь, в глубины, в осознание, сменилась в новую эпоху рефлексией «по поводу», породив новые формы культурного самовыражения интеллигента эпохи пост- и пост-пост-модернизма.

В плане социальном, культурном и экономическом, это, разумеется, связано с вектором глобализации и сменой культурной парадигмы. Социальная «приписка» интеллигента изначально относилась к среднему классу. В культуре за-

палеоевропейской интеллигент принадлежит среднему классу по рождению и положению, в культуре советской, а также постсоветской мы тоже можем (хотя и с натяжкой) отнести людей «интеллигентных профессий» именно к этому социальному слою.

Общая тенденция к глобализации заставляет меняться устоявшуюся систему социальной мифологии, в том числе трансформируется и миф об интеллигенции. Изменяются ценностные ориентации, представления об успешности и способах ее достижения. Точка зрения не может более быть единственной, она неконтролируемо множится, требуя усилия по различению. Вид «капитала», которым располагает интеллигенция (точка зрения), более не постоянен, он теперь требует постоянного обновления ценой индивидуальных усилий, что создает и поддерживает миф о независимости, работоспособности, упорстве и самодисциплине.

Процессы глобализации поколебали основы социального государства и, соответственно, разрушили миф о стабильности и надежности социальной структуры общества. В реальном социальном процессе очевидно, что средний класс начинает делиться на две неравные части. На успешное меньшинство, сумевшее включиться в новые социальные условия наднациональных корпораций, и на большинство, стремящееся сохранить хоть часть из того, к чему привыкло во времена сильного социального государства. Обучение, успех в профессиональной карьере, уверенность в обеспеченной старости – все эти традиционные ценности теряют силу. Появляются две разные системы представлений, определяющих модели идентичности. «Старый» средний класс – это мелкие собственники капитала любого типа, которые самостоятельно включены в рыночные отношения. «Новый» средний класс – это наемные работники, профессионалы, капиталом которых являются их профессиональные знания и умения. Таким образом, обнаруживается новое место интеллигенции в системе общественных и культурных отношений. Модель идентичности «старого среднего» связана с формулой «время – деньги», ценностными координатами являются умеренность, независимость вплоть до индивидуализма, необходимая для обеспечения конкурентоспособности, стабильность в распределении усилий. Для «нового среднего» формулой становится «знание – деньги», сетка координат смещается в сторону общения и корпоративности, самостоятельности и ответственности, важным критерием успеха становится мобильность.

Таким образом, для интеллигента позиция «точки» оказывается устаревшей. Ибо медитация в точке, равно как и отстаивание собственной позиции не позволяет ему быть современным собственной культуре. В современной культуре, где знание больше не является «грузом», который однократно был принят как некий «багаж» личностью, где образование становится индивидуализированным и перманентным, а система знаний должна быть организована таким образом, чтобы позволить человеку свободно оперировать ими в меняющемся мире, интеллигент оказывается перед необходимостью покинуть привычную ему «точку» зрения, сменив ее на мобильную панораму взгляда.

Возникает необходимость создания новых каналов трансляции знаний, нового универсального символического капитала, который позволит обрести необходимую мобильность и независимость от устоявшейся национальной культурной специфики. Времени на постоянное возвращение в точку глобализирующийся мир не оставляет, поэтому постоянная рефлексия себя сменяется необходимостью столь же постоянной интерпретации мира. Интеллигент в эпоху глобализации принимает на себя роль интерпретатора, комментатора. Он обладает властью толкователя событий и связей мира, теперь его позиция – не делатель или мыслитель,

а обозреватель. Все его знания (и даже точка зрения, которая хотя и не является теперь доминирующей позицией, тем не менее лежит в основе его панорамного взгляда) становятся орудием и стратегией в достижении успеха в убыстряющемся, странном, страшном и забавном «фанки-мире» (по аналогии с концепцией К. Нордстрема и Й. Риддерстрале о «фанки-бизнесе», где талант и индивидуальность решают все, мы можем увидеть и основания власти интеллигенции в современном мире, об этой же власти говорил и М. Мак-Люэн в «Понимании медиа»).

В России эти перемены по понятным причинам запаздывают, более сложные перемены претерпевает и социальная мифология. Врачи и инженеры, профессора и доценты, военные и государственные чиновники — большинство из них утратило прежнее благополучие, но, как ни странно, держится за прежние рабочие места, хотя они приносят все меньше дохода, а часть этих мест и вовсе превратилась в нечто виртуальное. Образ успешности по-прежнему связывается в их представлении с социально определенным «местом», с мифологией статуса в жесткой системе иерархии, а позиция интеллигентного человека позволяет с этого «места» определить свою «точку зрения». Советская социальная мифология культивировала представления о том, что не человек «красит место», а наоборот: «без бумажки ты букашка», для тоталитарной культуры мифология «места» имела принципиальное значение. С другой стороны, благодаря усердно тиражируемым массовой культурой образам, соответствующим системе представлений западного мировоззрения, функционирует относительно полная «чужая» мифология, основанная на прямом заимствовании ценностей и образов успешности. В этой мифологии также важным моментом является мифология «места», правда, с противоположным знаком — человек успешен, он сам находит себе место, это «его место» и, соответственно, его точка зрения — которую он и отстаивает, опираясь на демократические традиции.

Однако в современной культуре мифология места превращается в мифологию времени. Быстро устаревают знания, которые, словно молоко, скисают, если их не употребить вовремя, множатся роли, технологический прогресс позволяет нам вступить в непосредственный контакт с миром, который ранее был невообразимо далек, изменения общественных институтов требует новой ответственности, а все вместе ведет к смене системы ценностей. «Изобрети себя заново» становится лозунгом времени. Необходимой составляющей на пути к успеху теперь является образование, которое дает не профессию или специализацию, но широкий спектр знаний, свободу знать. Свобода знать — вот то, что отличает новую интеллигенцию от ее предшественницы. Это знание становится капиталом, но оно не трансформируется в мудрость, ибо мудрость не соответствует критериям практической эффективности. Добыча знаний и проблема понимания, проблема верной формулировки задачи и определения путей ее наилучшего решения, проблема определения области незнания становятся важными в социальной мифологии. Знание профессионала позволяет ему постоянно расширять свою панораму взгляда, подтверждая компетентность. Компетентность является наиболее ценной чертой, она позволяет накапливать тот символический капитал, который непременно конвертируется в финансовый — таков сюжет мифа об успехе. Таким образом, профессионализм и компетентность позволяют современному интеллигенту достичь успеха и реализовать свою «заявку на власть». М. Мак-Люэн («Понимание медиа») отмечал, что интеллигенции всегда доставалась роль связующего звена, посредника, и в современности именно посреднику внезапно достается власть, ибо

он становится обозревателем, чей капитал (знание) позволяет ему не только видеть, но и оценивать, комментировать и интерпретировать события и связи.

Позиция (как и профессия) обозревателя в современной культуре предполагает наличие постоянно подтверждающегося капитала знания, которое позволяет рассматривать явления и процессы, происходящие вокруг, судить о них и делиться своим о них мнением. Позиция «точки зрения», таким образом, оказалась «снята», она превратилась в основной символический капитал, который постоянно пополняется, однако его качество уже обсуждению не подлежит. Интеллигенция завоевала признание в современном мире. Ей больше не требуется обсуждать собственную роль и место, еще и еще раз убеждаться в праве суждения. Раз (вернее, не раз!) определив точку зрения, современный интеллигент использует ее как основной капитал. Его неотъемлемое качество – мастерство профессионала – не нуждается в обосновании и проверке. Его дело – взгляд на мир, а не на себя, и в этом – основное отличие современного интеллектуала от интеллигента столетней давности.

Вне всякого сомнения, право взгляда подтверждено компетентностью и признанием авторитета. Как отмечал П. Бурдьё, художники и интеллектуалы представляют собой особую группу людей, они «зависят в том, что они есть, от образа, который они имеют о себе самих и, следовательно, в том, что они делают, от образа, который другие, в частности, другие писатели и художники, имеют о них и о том, что они делают» (Bourdieu P. *Le marché des biens symboliques*). Акт легитимации должен осуществляться каждый раз, когда интеллигент публично представляет свой смысл или комментарий. Однако разница между приданием публичности смысла или комментария (иными словами, обоснования «точки зрения» или «панорамы взгляда») существенна. Ибо интеллигент-творец, который представляет публике новое (будь то художник, писатель или философ), ждет признания критиков, которые равны ему. Он – автор нового смысла, и признание его, как автора должно сопровождаться оценкой созданного им смысла. Интеллигент-обозреватель не несет ответственности за представленные им смыслы, ибо принимает на себя позицию интерпретатора, или даже рассказчика, а в некоторых случаях берет право судить о происходящем, оговаривая возможность иных интерпретаций. Идентификация интеллигента-обозревателя в таком случае оказывается отчасти сродни идентификации авторов «Вех», которые взяли на себя смелость поставить интеллигенции диагноз и даже предложить пути лечения. Но при этом обозреватель «выносит за скобки» собственную личность, он если и выражает точку зрения, то лишь в вопросительной форме, ожидая, что читатель будет инициирован обзором к собственному размышлению или суждению.

Особенно это касается социально-политических обозревателей, чья жизнь и профессия требуют активной позиции и смелости интерпретации. Потрясали читателей «Новой газеты» статьи Анны Политковской, посвященные наиболее острым, болезненным проблемам современности. Но тема – не главное для обозревателя, ибо интеллигент-обозреватель обнаруживает «свою» проблематику во всем, что попадает в его панораму взгляда. Так, например, Политковская увидела систему землевладения в Дании. В статье «Почем земляца?» обозреватель рассказывает о принятой в Дании практике образования для фермеров, обязательной для всех, кто хочет заниматься сельским хозяйством. Описание природы, людей, взаимоотношений делает текст интересным, а акцент на то, что «Земли у нас мало, мы ее ценим. Земля не должна попасть в руки необученному человеку» усиливается, благодаря особенности взгляда самого обозревателя, для которой важна российская «беда» - «земля продолжает висеть между реальностью и конституци-

ей». Название статьи ставит вопрос, который должен отозваться в душах и мыслях читателей. В других статьях Политковской, также как и в статьях многочисленных ее коллег по жанру, вопрос возникает по мере развития сюжета и либо ставится в конце, либо остается «в голове» у читателя. В любом случае, социально-политическое обозрение как жанр нацелено на то, чтобы публика задала вопрос. То самое вопрошание, которое было главной работой интеллигенции век назад по отношению к самой себе – вопросы «Кто я?», «Что делать?», «Кто виноват?» – теперь выносятся за скобки и достаются публике, которая должна на основании представленной ей обозревателем панорамы взгляда определить собственную точку зрения.

Такова же работа обозревателя-интеллигента в любой другой сфере культуры. Елена Курляндцева, телевизионный обозреватель культуры, одна из лучших, по мнению специалистов, всегда находила возможность вывести в своих рассуждениях вопрос, о чем бы она ни говорила: о съезде кинематографистов или о выставке Вермеера, о восстановлении Храма Христа Спасителя или о биеннале современного искусства. Искусствовед Екатерина Деготь пишет о явлениях повседневности, находя повод для вопроса в манере декорировать блюда в ресторане, в популярности домашних барометров или могильных надгробиях в местах автокатастроф по сторонам российских дорог. Обозреватель моды газеты *International Herald Tribune* Сьюзи Менкес, совершенно немодная по внешнему виду, является авторитетом с мировым именем, благодаря тому, что умеет ставить вопросы. Благоприятный отзыв Менкес может мгновенно сделать марку или дизайнера популярным, но главное, что получают читатели благодаря ее обзорам – панорама модной жизни, трендов, влияний и тенденций, интерактивный набор, из которого у каждого, интересующегося модой (или даже решительно против нее протестующего!) может родиться вопрос, в поисках ответа на который читатель повысит свою компетентность. Даже спортивные обозреватели ценятся за свою интеллигентность, которая позволяет им сформулировать вопрос, который найдет отклик у зрителей. Ибо без этого качества обозреватель превращается в комментатора, чей голос за кадром невыносим.

Таким образом, любая публичная работа обозревателя нацелена на то, чтобы у читателя (зрителя) возникло стремление к новому уровню компетентности. По сути, теперь интеллигенция отрабатывает свое бремя власти, которым наградила ее постмодернизм, позволив множественности смыслов вольготно чувствовать себя в пространстве культуры. Ролью интеллигенции отныне является, скорее, различение этих смыслов, а не размышление о них, как прежде. «Человек различающий интеллигентный» стал героем нашего времени.